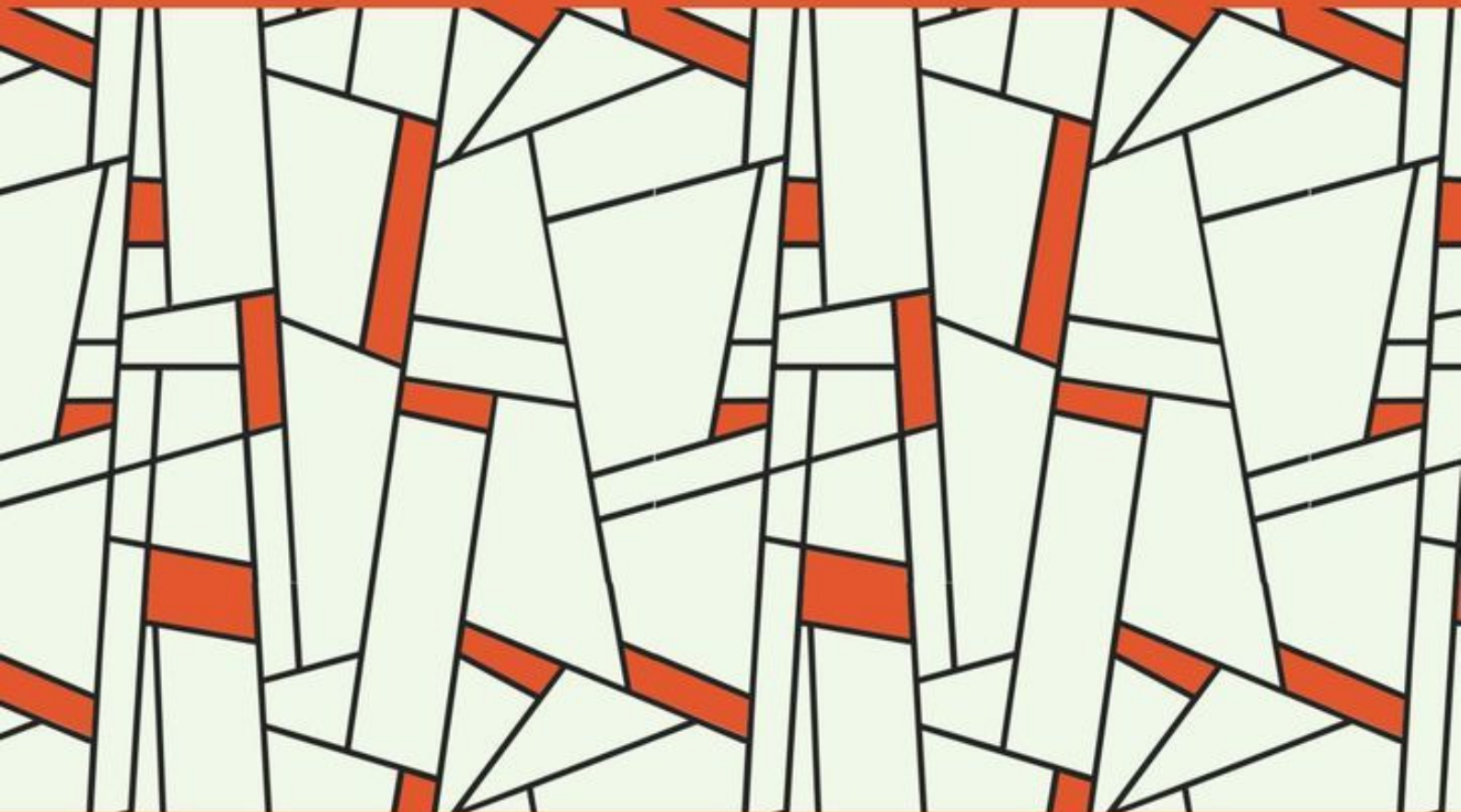

18+

Эмануил Бланк

СОЧИНЕНИЯ. ТОМ 1

Антидепрессант

Эмануил Бланк

Сочинения. Том 1. Антидепрессант

«Издательские решения»

Бланк Э.

Сочинения. Том 1. Антидепрессант / Э. Бланк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530785-9

Редкое по своей сути восприятие окружающей действительности Автора увлекает Читателя за собой. Погружает в чувствительные вибрации человеческой Души. В процессе чтения возникает удивительный резонанс и сопереживание. Рассказы обладают особым психотерапевтическим эффектом. Отсюда и название Подзаголовка — Антидепрессант. Основная интрига и чудо заключаются в том, что каждый Читатель этой книги узнает самого себя.

ISBN 978-5-00-530785-9

© Бланк Э.
© Издательские решения

Содержание

МЁД ИЗ ЯД-МОРДЕХАЯ	6
ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ	8
Я ЛЮБЛЮ ВАС, ПУСТЫННЫЕ РОЗЫ	10
ОПАСНЫЕ КАНИКУЛЫ	16
НАШ СТАРЫЙ ДОМ	20
ИМПРИНТИНГ	23
ЛУЧШИЙ РЕЦЕПТ МОРОЖЕНОГО	25
СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сочинения. Том 1 Антидепрессант

Эмануил Бланк

© Эмануил Бланк, 2021

ISBN 978-5-0053-0785-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТОМ 1

МЁД ИЗ ЯД-МОРДЕХАЯ

Мёд для мамы в Израиле я всегда покупал на перекрёстке Яд- Мордехай. Они с папой жили в двадцати километрах, в маленьком и уютном Нетивоте, совсем неподалеку и от нашего небольшого дома.

Чтобы пройти к родителям, я, по утрам, завозил сына в школу имени Ицхака Рабина, а там, и квартира папы с мамой была уже совсем рядом. Полика я подвозил в последнюю минуту перед занятиями. У входа в школу дежурила строгий директор. Она смотрела на всех, кто приходил в это время, уже с лёгкой укоризной.

– Быстрее, быстрее, – приговаривала она, – уроки начинаются, а Вы еще не в классе. Калитку, вот-вот, закрою

Через пару минут, она, действительно, давала охраннику отмашку и тот закрывал дверцу наглухо, до позднего послеобеденного времени, когда занятия в школе уже заканчивались. Что поделаешь. Безопасность.

Нам с Поликом повезло. Удалось обнаружить наше заветное спасительное дерево. Оно росло на школьном дворе, а его ветви свешивались через школьный забор, прямо на соседнюю улицу. Туда мы и подъезжали в самую последнюю минуту.

Сын ловко взбирался по забору, перелазил на дерево и прыгивал прямо на территорию школьного двора. Я передавал ему увесистый ранец и он, за спиной директора, легко и незаметно вбегал в школу, без всяких там лишних нравоучений. Этот трюк добавлял сыну возможности поваляться утром в постели ещё минуты три.

Честно говоря, от дома до школы, было минут десять неспешной ходьбы. Но я прихватывал в машину ещё и старшего внука. Они с дочкой Викой и зятем Ициком жили в то время с нами. Маора отвозил в ясли. Через два года, появился Гай – ещё один важный внук и пассажир, которого тоже надо было доставить на тяжелую ясельную работу.

После развозки детей, я, наконец, подъезжал к квартире родителей. Папа, как обычно, в это время чаевничал. Крепчайший чёрный чай, приличное количество сахара и громкие прихлебывания очень горячей жидкости. И, конечно, с обязательным медленным звучным выдохом удовольствия, после каждого обжигающего глотка.

В мае 1997 папа умер, а маме, до своего последнего мая 2007, оставалось прожить в одиночестве десять лет. Мёд из Яд-Мордехая завозил уже только ей одной.

Тот знаменитый перекрёсток, где располагался магазин медов, варений и разных оригинальных подарков, был назван в честь Мордехая Анелевича – руководителя восстания Варшавского гетто.

В одноименном кибуце (коммуна, иврит), начинавшемся всего в паре десятков метров, на другой стороне шоссе номер четыре, сосредоточилось производство и фасовка почти трёх четвертей всего израильского мёда.

Сам я, больше всего, любил цветочный. В том состоянии, когда он становился плотным, пахучим и очень-очень вкусным. Тот светло-золотой цветочный, в который я влюбился еще в Москве, накануне Олимпиады-80, продавался всего по рублю. Он был расфасован в маленькие стеклянные бочонки по 125 грамм. «Мёд цветочный. Разнотравье Дальнего Востока». Даже надпись сразу вызывала страстное желание испробовать

В те времена, я мог свободно разрезать весь горяче-хрустящий ароматный батон, размазать по кускам хлеба сливочное «Крестьянское» или «Вологодское», а поверх уложить все содержимое баночки бесподобного яркого медового удовольствия.

Оставалось только быстро съесть, запивая пастеризованным молоком по тринадцать копеек из полулитрового картонного пакетика. Его кончик легко отрезался ножницами или первым попавшимся ножиком. Форма пирамидки была очень удобной для выпивания, но, от жадности или спешки, молоко часто проливалось на выдавший виды свитерок или рубашку.

Мама же, делила свои медовые предпочтения между прозрачным майским и густым пахучим, коричневатым, гречишным. После ее похорон, мы, по традиции, находились в ее квартире семь дней, «сидели шиву». Принимали многочисленных близких, приехавших вспомнить маму и высказать слова утешения. Я медленно доедал ее мёд и плакал...

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

Химия давалась легко.

– Конечно! У него ведь папа – химик!, – говорили те, кому, всегда и везде, все было понятно

А мне очень нравились научно-популярные книжки, где мудрые академики простыми словами рассказывали о захватывающих открытиях, самопожертвованиях отважных первооткрывателей, а также удивительных деталях взаимодействий великих ученых, молекул, атомов и элементарных частиц.

За отчаянной суетой всего окружающего там ярко и контрастно проглядывали строгие законы гармонии вселенского мироустройства.

Самым сложным во время учебы, как ни странно, оказалось поддерживать авторитет моего папы. Как учитель средней школы, он давно и полностью переключился с химии на преподавание биологии.

По старой памяти, отец ещё совсем неплохо разбирался в решении большинства несложных задачек. Однако Этя Ароновна Фридман – наша классная и химичка в одном лице, взирая на легкость, с которой я щёлкал обычные задания, стала извлекать из журналов особые садиистские случаи и потчевать меня ими все с возраставшей энергией.

Было очевидно, что учительницу уже обуял какой-то нездоровый азарт, и она, судя по всему, очень надеялась дойти до пределов, где мне не удастся решить очередную головоломку.

Зачастую, как и коньяки, трудные задачи помечались звездочками. Одной, двумя, очень редко, тремя. Слава Б-гу, что неумная фантазия составителей не добралась до заветных пяти, которые так восхвалял незабвенный уморительный актёр Филиппов из «Карнавальная ночи»

Глядя на бесконечные варианты, по которым могли проходить окислительно-восстановительные реакции, непредсказуемое поведение атомов хрома, железа и марганца, менявших свои валентности, как перчатки, отец безнадежно махал рукой и отправлялся готовиться к своим очередным урокам по биологии.

Виновато улыбаясь, он оставлял меня с тяжелейшими заданиями один на один. За стареньким письменным столом, доставшимся нам за бесценок от родителей одного отличника, начинались бесконечные часы мучительных раздумий.

– Дай Б-г, чтобы Ваш сын учился не хуже нашего, – напутствовали стол его пожилые, умудрённые опытом, хозяева. Продали они его, помнится, всего за одну красненькую, немного потертую, советскую десятирублёвку с изображением Ленина. Стол, как оказалось, был, действительно, волшебным, очень удобным и помогал мне как мог.

Особенно восхищали выдвижные ящики. Они скользили легко, бесшумно и плавно – от одного только касания пальца.

После покупки, на следующий же день, отец пригласил плотника – своего великовозрастного ученика из вечерней школы. Тот, вдобавок ко всему великолепию, приспособил на поверхности стола роскошное дерматиновое покрытие. Оно было тисненым, тускло поблескивало и вкусно пахло.

Обложившись учебниками, последними журналами и пособиями, папа, как всегда, пристраивался неподалеку и начинал составлять бесконечные планы уроков. На куске старой панели ДСП, как называли древесно-стружечную плиту, обитую невзрачным пластиком, он умудрялся писать тексты своим удивительно красивым каллиграфическим почерком.

Свой «письменный стол» отцу приходилось каждый раз устанавливать, засовывая этот обрезок ДСП в узкое пространство между подоконником и чугунными батареями отопления. В таком положении папа высиживал по нескольку часов кряду. Зимой, когда батареи были слишком горячими, он прикрывал их какими-то старыми простынями или полотенцами.

– Передай привет папе!, – видя блестящее решение очередной тяжелой задачи и понимающе улыбаясь, Этя Ароновна похлопывала по плечу и давала следующее, ещё более трудное задание, снова казавшееся неподъемным.

Очень бы хотелось рассказать ей, пояснить, как-нибудь, намекнуть, что все это порешал именно я, решил самостоятельно, без чьей-либо помощи. Однако зародить хотя бы малейшую тень подозрения в папиной несостоятельности, было совершенно невозможно.

Стёрлись в памяти громкие победы в городских, республиканских и прочих олимпиадах. В суете-сует поблекли защиты диплома с отличием и диссертации, многочисленные достижения в других жизненных коллизиях, казавшихся, в ту пору, значительными.

С благодарностью вспоминается и тот любимый волшебный письменный стол, помогавший во множествах локальных поединков с самим собою.

Однако кусок старой древесно-стружечной плиты, выполнявшей роль подставки, с поцарапанным во многих местах светлым пластиком, на котором писал мой дорогой папа, запомнился навсегда, во всех подробностях...

Я ЛЮБЛЮ ВАС, ПУСТЫННЫЕ РОЗЫ

Физическая работа в пустыне, на открытом изнурительном белом солнце, имела свои особенности. Делать необходимо было все медленно- медленно, степенно, никуда не торопясь.

Малейшая суета, нетерпение, активное движение, тут-же наказывались обильным потоотделением и резкой потерей мощности. Мысли, вслед за движением, также приобретали особую неспешную длительность, важность и глубину.

Кайло было тяжелым, но удобно-двусторонним. Сильными монотонными ударами, кирка постепенно вгрызалась в раскалённый каменистый грунт своим крепким металлическим рогом – удлиненной острой стороной.

Затем наступала и тяжкая очередь мотыги, что украшала другую сторону инструмента. Медленно-прямедленно, она расширяла фронт работ и откалывала, отдирала, отвоевывала у пустыни все новые и новые частички.

Надрывался я не за деньги, а по свободной собственной прихоти, пытаюсь расчистить и благоустроить хотя бы часть участка – относительно большого пустыря в тридцать соток, раскалённого солнцем до полной невозможности. Это горячее сухое пространство вплотную примыкало к ограде моего Нетивотского дома.

В соответствии с генпланом развития территории, там должен был находиться небольшой магазин. Однако все работы отложили. Сначала, на год, затем, на целых два.

Тем временем, место густо заволкло строительным мусором от многочисленных ремонтов ближайшего жилья. Скопились целые горы выброшенной старой мебели, диванов и прочего хлама, имевшего особое свойство размножаться и жадно захватывать новые жизненные пространства.

Основную гору мусора убрали быстро, сразу после целой стаи фотоснимков, отшелканных мною в порыве крайнего раздражения. Кому понравилась бы куча строительных и прочих отходов, скопившихся у самых окон?

Фотографии я продемонстрировал Ихизлю – нашему городскому начальству, незамедлительно пригнавшему, и бульдозер, и самосвал, и пяток рабочих по уборке, в придачу.

Однако, к великому сожалению, народ в округе привык именно к этому месту! Привык, воровато оглядываясь, сносить и сбрасывать туда всяческий ненужный хлам. Особенно вечерами, когда наш городок погружался в темень южной ночи.

Почти исчезнув с лица земли, свалка, мстительно улыбнулась, оживилась, подняла голову и, потихоньку увеличиваясь в размерах, вновь стала неумолимо подползать к нашему двору.

– Как же быть? Как отучить народ от закреплённой многомесячной привычки?, – подумалось, когда увидел очередной крупнотоннажный грузовик, приземлившийся на пустыре, около моего жилища, новую порцию строительного мусора. И это, несмотря на многочисленные таблички, угрожавшие нарушителям экологии самыми разнообразными карами.

– Конечно, к людям необходимо обратиться от всего сердца, а не сухим канцелярским языком, – начал размышлять я, придумывая прочувствованный текст воззвания к гражданам и гражданкам. Призыв получился замечательным. Как в старые добрые революционные времена.

– Прoberет! Как пить дать. До самых печёнок приберёт, – радовался оптимистичный Эзра – мой близкий нетивотский приятель. Настоящий вопль души получился забористым. Не только и не столько потому, что был прикреплен на заборе.

Текст, конечно, привлёк внимание, но не так, как планировалось. Теперь, весь хлам, – О, ужас!, – стали сносить прямо к объявлению, то есть, к нашей незамысловатой изгороди, где и красовался образчик моего продвинутого эпистолярного жанра, написанного на русском и иврите.

– Тебе надо, ты и убирай!, – отфутболил одесским советом сосед, двор которого, также как и мой, граничил с проблемной территорией

– Бюджет городка не позволяет каждый день направлять рабочих на уборку, – жалостливо качал головой Цион – доброжелательный заместитель мэра

– Да плюнь и разотри!, – призывали смириться мудрые аксакалы

– Все равно, вечером снова принесут, обязательно принесут.

Да. Убеждался все больше, что новый старый хлам, неумолимо стекавший в точку Вселенной, рядом с моим домом, как вода во время зимних дождей, никогда не переведется.

– Кончай надрываться, – увещевали зеваки, проходя мимо меня – придурка, упорно машущего кайлом на раскалённом воздухе.

Капли пота, нет, не капли, а бесконечные струйки, разъедали глаза, насквозь пропитывали одежду, растекались по рубашке и брюкам.

Тяжело, но упрямо, вживался я в размеренно-бесконечный ритм, той, совершенно бесполезной работы, воображая себя, то рабом в Египте, то Гераклом, очищавшим Авгиевы конюшни, то каторжником на Бухенвальдских каменоломнях, где любая остановка грозила немедленным уничтожением.

Казалось, что многое, если не все, оставалось по-прежнему. Как и прежде, мусор, что убирался и с превеликим упорством отодвигался к самому дальнему краю пустыря, на следующий же день, радостно возвращался, убивая все новыми и новыми порциями. Битва часто балансировала, подходила вплотную и, казалось, вела к неизбежному проигрышу. Однако, мало-помалу, изменения стали происходить.

Как только, очищая территорию от мусора у самой изгороди, а затем, все дальше и дальше, в самую глубь пустыря, я начал выдалбливать в каменистом грунте лунки и сажать в них кустики цветущих роз, варварство стало утихать и, как-то незаметно, полностью сошло на нет. Вокруг каждого цветка устраивалось небольшое количество взрыхленной земли, кото-

рое заботливо обкладывалось красноватыми полукирпичиками. Эти отходы от строительства тротуаров валялись здесь в изобилии.

Розы сорта Куин Элизабет были очень дорогими, просто, королевскими. Выскребывая и собирая по карманам последние шекели, я покупал эти цветы постепенно, по несколько кустиков за визит. Каждый раз, выбирал их очень внимательно и придирчиво, когда с оказией проезжал мимо небольшого питомника, по дороге в соседний Сдерот.

Этот красивый милый городок, краснея черепицами аккуратных крыш, всегда встречал оживленным пением птиц, стрекотанием кузнечиков и радостным покачиванием высоких пальм, увешанных гроздьями спелых фиников.

В те времена, Израиль ещё не передавал управление Газой палестинской администрации, не вооружал террористический Хамас автоматическим оружием, не выселял поселенцев, мирно работавших на соседних полях, инженерных фирмах, заводах и научных стартапах двадцати пяти еврейских поселений Гуш Катифа.

Поэтому в Сдероте ещё ни разу не звучали сирены воздушной тревоги, не взрывались ракеты, запущенные из соседней Газы, не слышались многочисленные завывания скорой медицинской помощи. Там было спокойно и удивительно. А в прекрасном питомнике, по-соседству, жили чудесные цветы.

Хлам ещё изредка сбрасывался по самым краям пустыря. Однако туда, куда доходила линия наступления Роз и капельного орошения, протянутого от моего дворового водяного счетчика-распределителя, мусор больше не возвращался.

Более того, народ, проходивший мимо, перестав ухмыляться при виде взмокшего, изнуренного солнцем борца с мусоркой, стал уважительно здороваться, спрашивать о делах и сетовать на погоду, которая, в том году, казалась особенно жаркой и изнурительной.

В тот день, начиналось обычное утро. На деревьях заливались птицы. Как обычно, я вышел на пустырь с тяжелым кайлом. Вышел. И не поверил собственным глазам.

Один из громадных грузовиков, варварски раздавив часть растений, вывалил строительные отходы на прежнее место. При этом, он разметал в разные стороны, и кирпичи, заботливо выложенные вокруг розовых кустов, и, с таким трудом, налаженную систему орошения.

Начадив, напоследок, удушающим синим выхлопом, он нагло, с какой-то оскорбительной бравадой, быстро исчез за соседним поворотом.

Вокруг меня, растерянно смотревшего на случившуюся трагедию, стал собираться народ. Окружающие стали сочувственно успокаивать, хотя, на первый взгляд, расстроен я не был.

Просто, в душе возникла какая-то звенящая тишина и особая тупая опустошенность. Через несколько минут, как робот, я стал автоматически собирать сломанные кусты, разбирать кирпичи и соединять разорванные куски поливных шлангов.

Спустя некоторое время такой заторможенной деятельности, вдруг, почувствовал легкое прикосновение. Около меня стоял человек, который сочувственно протягивал мне небольшую бутылку с холодной водой.

Жадно и очень надолго я припал к освежающей влаге. Пелена с глаз понемногу исчезла. Кое-как, мне удалось выйти из своеобразного анабиозного ступора.

Оказалось, что по всему пустырю уже вовсю суетился народ. Бодро покрикивая, люди проворно убирали остатки мусора и быстро поправляли порушенное.

Из муниципалитета оперативно прислали грузовик, полностью увёзший весь хлам. Полиция задержала водителя, поломавшего растения.

А по всему участку, несмотря ни на что, гордо цвели, благоухали, радовались жизни, прекрасные, роскошные, белые и красные, кремовые и розоватые, желтые и нежно-фиолетовые – настоящие королевские цветы.

– Как я люблю. Как обожаю Вас, дорогие мои, драгоценные Пустынные Розы...

НАЗАД, В БУДУЩЕЕ 1

– Ну, Миля, – ее ласковый, чудный голос дрожал от нетерпения, – Ты представляешь себе Время не совсем правильно, – незнакомая большеглазая девчонка прищурилась от яркого летнего солнышка

Она улыбалась мне из-под ладошки, козырьком приставленной к глазам удивительной красоты. Длинные ноги, густые льняные волосы, спадавшие почти до пояса, короткое голубоватое платьице. Нет. Нет и не было никогда таких красавиц у нас, в Сокирянах. Такие красавицы там не водились. А то бы я, конечно же, запомнил.

Появилась она неожиданно, рядом с колодцем и водоразборной колонкой, соседствовавших друг с другом, у самого входа в наш уютный детский сад. Он был весь в зелени деревьев и душистых трав. Его устроили на территории, после очередного сокращения большого сада Алексеихи – доброглазой попадьи, снабжавшей всю округу прекрасными цветочными композициями.

Ей оставили только небольшой участок. Получив от меня, очередной раз, десять копеек, она, как правило не торопилась, а медленно плыла, переходила от одного куста к другому, от клумбы к клумбе. При этом, она обязательно сообщала мне сорта Роз, ирисов, гвоздичек и прочих нарядных модниц ее великолепного салона красоты.

По-соседству, на небольшой улочке, каждый мог набирать вкусную воду, на выбор. То в колодце, гремевшем длинной мокрой цепью, то в колонке, извергавшей сильную кристально-свежую струю.

– Время, есть время. Что может быть проще? Дома у нас имеются песочные часы, – гордо заявил я, – Время, как и песок, легко высыпаясь из верхней половинки, всего за пять минут, перетекает в нижнюю, – что здесь ещё представлять?

Все элементарно, – лихо щегольнув словечком из недавнего фильма, я придал лицу подходяще-важное и немного снисходительное выражение.

– Вообрази, – решила объяснить мне девочка, – Мы с тобой идём вооооон-туда, – она показала в сторону Шипота, чудного места, украшенного шумом родников, пением птиц и свежим воздухом, пронизанным пахнущим травами, цветами и ещё чем-то счастливо-волнующим

– Вот, идём-идём-идём... и знаешь, куда придём?, – испытующе поглядев в глаза, она не ожидала услышать такого самоуверенного ответа

– Мы, просто, обойдём, вот так, всю Землю и вернёмся. Вернемся сюда же, но с другой стороны, – показав рукой в сторону Церкви, находившейся с противоположной стороны улицы, я приготовился внимательно слушать дальше, – Уж очень интересный разговор начал получаться. Бывают же девчонки такими умными!

– А с виду не скажешь, – подумалось мне, – девчонка, как девчонка, только, вот, красивая очень, – на этом месте размышлений я почему-то густо покраснел

– Все правильно, молодец!, – похвалила она, доставив истинное удовольствие. Всегда любил, да до сих пор обожаю, когда меня хвалят. Особенно девчонки.

– Представляешь?! Ровно так происходит и со временем, – неожиданно заявила она

– Не верю!, – сразу же отпарировал я, – Не может быть!

Понимаю, как выходя из одной точки времени, например, из вчера, оказаться в сегодня, затем, в завтра. Но чтобы через многие годы, оказаться, вновь, во вчерашнем дне или в сегодняшнем?!

– Ты, наверное, девочка из Будущего?

– Как сразу не догадался?, – восхитился я, мгновенно заготовив в голове целый список самых неотложных вопросов. На них мне срочно требовались, конечно же, и самые точные ответы

– Когда высадимся на Марсе? Кем же я стану в будущем? – Известным космонавтом? Лётчиком? Артистом? Хоккеистом, наконец?!, – забросал я бедную девчонку целыми очередями важных предположений

– Ты обязательно станешь счастливым! Это я тебе гарантирую. Однако, я совсем не из Будущего, – ответила она, – я из далёкого-далекого Прошлого

– Из такого далёкого, когда видно все, абсолютно Все. Будто стоишь себе на высокой горе и можешь видеть одновременно весь Мир, – и прошлый, и настоящий, и будущий

– Ух ты. Как Волька с Хоттабычем на ковре-самолете?!

– Очень похоже. Однако, ковёр этот может летать не только в Индию, но, например, и в древнюю Грецию

– Движение по Времени идёт по-другому! Из Прошлого в Будущее, например, выглядит как движение по ступеням, сверху вниз. Все, что прошло, находится выше, все, что впереди, ниже

– Опускаясь, волшебные ступеньки доходят до самого низа, а затем поворачивают наверх. Как по глобусу. Сначала, съезжаешь с Северного Полюса на Южный, а затем, обратно

– Там, наверху, ступени Будущего соединяются с Прошлым?, – стал догадываться я

Необычно как-то. Казалось, с возрастом, продвигаюсь по линии жизни, как ртуть на шкале градусника, снизу вверх

– Постоянно вижу себя только на подъеме! Иногда нелегком, но исключительно в восходящем потоке, – позволил себе не совсем согласиться с утверждениями загадочной девчонки

– Везёт, – сразу по-доброму позавидовала она, – значит низшая точка движения твоей Души уже позади

– Догадываешься, наверное, что существуют и такие люди-человеки, что несутся вверх, как настоящие ракеты? Их Свет озаряет весь мир, пространство-время всей Вселенной, – промолвила она

– Милику, Милик! Вставаааай! Соня! Вставай же, наконец! Давно пора завтракать. В кино опоздаешь! Утренний детский фильм сегодня начнется не в двенадцать, а в одиннадцать

– Мне ещё все двери в кинотеатре открывать- с трудом растормошив маленького внука, суетилась неутомимая бабушка Рива. В нашем Сокирянском кинотеатре она служила билетёром давно, задолго до моего рождения

– Баба, баба! Скажи, а как фильм называется?

– Сказка о потерянном Времени...

ОПАСНЫЕ КАНИКУЛЫ

Раздался оглушительный взрыв и большая жестяная консервная банка из-под яблочного джема, куда поместилось бы не менее пяти килограмм сладкого душистого великолепия, исчезла в небесах.

Ярко блестя на солнце, она выглядела как настоящий космический корабль. Поначалу, медленно, а затем все ускоряясь и ускоряясь, она величественно возносилась вверх, пока не превратилась в точку. На то, чтобы это великолепие полностью исчезло из вида, ушло не менее, чем хороших десять секунд. Подождав несколько тягучих минут в отдалении, мы снова собрались вокруг места запуска.

– Дааа! Видали? А если эта хреновина, кому-нибудь, на голову бы навернулась?, – восхищенно отметил Марик Шор

– Ничего себе! Интересно, куда ж она, все-таки, долетит?, – гадал Валера Мельников

– Думаю, корабль вошёл в плотные слои атмосферы и того! Сгорел над Индийским океаном или, в крайнем случае, над Одесским Привозом, – мои фантазии выглядели привлекательно. У Валерии аж глаза заблестели

Осторожно работая напильником целый день, он получил нужное количество материала, достаточное для наших недетских забав. Новая технология грозила напрочь сменить безнадежно устаревший магний. Он порядком надоел.

Однако, как и со всем новым, продвинутым и великолепным, нам было непросто. Одно неосторожное движение напильником, как ослепительная вспышка уничтожила результаты кропотливой работы за целый день. При этом, открытые части лица и рук, немедленно чернели и казались обгоревшими. За этот цвет ответственность несла марганцовка, которую, ввиду ее отчаянной дешевизны и доступности, мы не жалели.

Так получилось, что мы, не страшась часовых, смело пробрались к свалке нашего тираспольского военного аэродрома. Там умудрились утащить много ценного: разноцветные проволочки, из которых выплетали важнецкие перстни, разные интересные блестящие штучки, которые выменивали у соседских мальчишек на целые пачки новеньких наклеек на консервы. Достался нам и кусок удивительного сплава. Знатоки, у которых отцы были военными пилотами, с важностью заявляли, что загадочный металл являлся частью приборной доски истребителей

Реактивные самолёты были нашей Тираспольской гордостью. Краснозвёздные серебристые Миги с грохотом проносились на низкой высоте над школой, заводом Ткаченко, исчезая в облаках аж за Днестром и Кицканским лесом.

Среди летчиков, фигурки которых хорошо различались в прозрачных кабинах, были папы многих одноклассников. Там находились даже будущие известные космонавты. Такие, например, как легендарный Береговой, ставший, впоследствии, командиром отряда советских покорителей космоса.

Девчонки шептались, что он крутил любовь с нашей историчкой. Я, конечно, пытался представить строгую, скромную и явно неприступную Ольгу в руках яркого и бравого летчика. Но ничего не получалось. Слишком уж холодно-принципиальной она была.

Чудесный сплав, добытый на аэродроме, мы называли цэрием. Я подозревал, что в него входил цезий. По данным справочников, в чистом виде он мог возгореться даже при комнатной температуре.

Когда куском чудо-сплава мы проводили, например, по асфальту, за ним тянулась, брызжа искрами во все стороны, красивая полоса ослепительно-яркого света, украшенная язычками голубовато-желтоватого пламени.

Девчонки, при этом действе, визжали от восторга, вдохновляя нас, вновь и вновь, ради из восхищенных взглядов, на новые бесконечные подвиги и их упорное повторение.

– Ну, Орлы, пишите, да поподробнее. Как докатились Вы до такой жизни!, – грозно приказал дежурный капитан, строго оглядев нашу троицу

Вывели нас, как и положено, из чёрного воронка, лихо подкатившего к центральному городскому отделу милиции. Автозак был настоящим. По всем правилам перевозки преступного элемента, он бы оборудован толстыми решетками, и на маленьком окошке, и на первой двери, отделявшей клетку от маленького пространства, где могла бы находиться охрана, и на окошечке второй двери от основного выхода.

Меня, с Юркой Возмиловым и Мариком Шором – главным любителем и знатоком всей научной фантастики нашего двора, а может, и всего Тирасполя, выловил обычный военный патруль.

Офицер заметил пацанов, подозрительно копошившихся на углу завода Ткаченко, где улица Правды плавно переходила в центральную улицу 25 Октября.

Проселитренная газетная бумага, которую я готовил дома в обычной кастрюле и сушил на кухне, прикрепляя к бельевой веревке обычными прищепками, работала по принципу бикфордова шнура. При поджигании и верном расчете, она оттягивала время взрыва и давала возможность отойти на безопасное расстояние.

Тогда, вполне безнаказанно, безопасно и с комфортом, можно было отойти от будущего места подрыва и наблюдать, наблюдать, наблюдать. Мы радовались ослепительной вспышке, оглушительному грохоту, девчоночьим визгам восхищения и страха, приходившим с небольшой задержкой, но неотвратимо, как гром после яркой грозовой молнии.

Поскольку взрывчатую смесь мы заворачивали в обычную бумагу, без каких-либо добавок, то никакой опасности, кроме яркой иллюминации и знатного переполоха, зрелище не представляло.

Предвкушая отличный спектакль и нервно посмеиваясь, мы наблюдали, как патруль внимательно изучал место, откуда тянулся небольшой синий дымок.

И тут рвануло. Бабахнуло по полной. На совесть!

– Ложись!!!, – завопил бравый лейтенант, зарывшись в летнюю пыль, скопившуюся на повороте дороги. Как только, громко ругаясь матом и отряхиваясь, он поднялся, как раздался второй, а затем и заключительный – третий хлопок.

Яркие сполохи и грохот сопровождались и взрывами нашего хохота. Было очень смешно наблюдать со стороны, как бравые солдаты Швейки от страха, раз за разом, плюхались на землю.

Чтобы вовремя ретироваться, у нас была куча времени. Однако убежать мы не собирались. Вот и попали, глупые. Не догадывались, что патруль уже давно следил за нашим подзрительным копошением.

В милиции, как и приказал дежурный, я старательно, с подробностями, изложил на бумаге суть химического эксперимента, особенности осторожной работы напильником и высушивания проселитренной бумаги. Я знал, что это, точно, пригодится нашей оборонной промышленности. Может, ещё и медаль дадут. Ведь испытания проходили с опасностью для жизни.

В три часа ночи в камеру вошли наши взволнованные отцы. Они застали своих чад в процессе ожесточенного шашечного сражения. Шашками выступали обрывки голубых билетиков в кино и каких-то белых бумажек, найденных нами в мусорном ящике. Доской же служил пол, составленный из темных и светлых керамических плиток.

– Они ещё и в шашки играют!, – возмущённо и с отчаянием воскликнул отец Марика

Капитан милиции, на счастье, оказался бывшим папиным учеником. Сначала, он с выражением, как на сцене, зачитал рапорт, состряпанный обозленным военным патрулём.

Из него следовало, что сионисты Шор, Бланк и примкнувший к ним несознательный элемент Возмилов, хотели, ни больше ни меньше, как взорвать монумент "Серп и Молот". А ведь правда. Упомянутая стелла была тем злополучным местом, куда заложили продвинутые взрывпакеты. Чтобы дальше была видна вспышка, я еле дотянулся до бетонной ручки серпа и оставил заряды на ее поверхности

Не жалея красок капитан рассказал, какая жестокая детская колония ожидала бы нас – восьмиклассников, если бы не мой отец, воспитавший такого благодарного ученика. Дождавшись от папы похвалы, офицер радостно, на мелкие кусочки, порвал все бумаги, включая описание великого технологического открытия. Затем посоветовал, в самое ближайшее время, а лучше прямо с утра, уехать из города. Например, на отдых. Хотя бы, в соседнюю Одессу.

По возвращении домой, отец собрал всю мою домашнюю лабораторию. На ближайшую мусорку отправились стратегические запасы цэрия, калийная селитра, многочисленные мерные стаканы с мензурками, колбочками, трубками и классными притертыми пробками.

Море в Одессе было, в тот год, удивительно тёплым. Мы замечательно загорели, отдохнули и успели вернуться в Тирасполь ещё до наступления карантина. В Одессе началась эпидемия холеры. На календаре красовалась цифра 1970. Всего пятьдесят лет назад...

НАШ СТАРЫЙ ДОМ

Наш сокирянский дом состоял из двух половин, разделённых длинным коридором. Построенный ещё моим прадедушкой Аврумом Вайнзофом в начале двадцатого века, он отчаянно раздражал местную советскую власть. Их злил, и десяток высоких светлых комнат, и просторный обильный огород.

Время от времени, к нам заходили важные дяденьки с пугающими папками под мышкой. С недовольным видом, они всегда что-то мерили, рисовали, а затем сытно и долго чаевничали.

При этом, съедалось невероятное количество вареников, которые запивались водкой из гранёных стаканов. После сытых и громких отрывков, покрасневшие кабанчики важно советовали моим близким, как сохранить своё собственное жилище от неминуемого сноса.

До войны, наш дом был переполнен радостными детскими криками и азартными взрослыми разговорами.

Аврум и Цирл – мои прадед и прабабушка, воспитали шестерых. В далёкие тридцатые, в подрумынской Бессарабии, Берл, Бася и Гиталы за целый год волонтерства заработали себе бесплатные билеты до Палестины. Так, в ту далекую пору, называли Израиль.

Таким образом, они спасли себя и будущих детей от ужасов гетто. Правда, жилось им на Ближнем Востоке очень и очень непросто. Тяжелый физический труд, малярия, отсутствие питьевой воды. До самой войны, заботливый Аврум помогал им, посылая из Сокирян, в далёкие Палестины, по несколько пар старых башмаков.

Какая же радость охватывала первопроходцев, измученных тяжелым трудом, пустынным климатом, болезнями и недостатком воды, когда в каблуках этих потертых туфель, обнаруживались несколько золотых пятерок или десяток. За них можно было расплатиться с долгами, купить немного продуктов и почувствовать тепло родительской любви.

А Янкель, Рива и Роза, обзавелись семьями, оставшись с родителями и детьми в родных Сокирянах. Им предстояла встреча с другими испытаниями. Гораздо более трагичными и ужасными.

Янкель, ушедший на фронт в первый же день войны и вернувшийся весь в орденах и медалях, не нашёл ни своей погибшей семьи, ни бедных родителей.

В большом светлом доме, прежде наполненном радостными голосами, больше никогда не появились Аврум с Цирл, двухлетняя Ревуся – маленькая дочка Розы, а также ее отец – энергичный молодой Залман.

Погиб в гетто Мендель – великий оптимист и всем помогавший придумщик, ставший моим дедом посмертно. Из одиннадцати взрослых и детей, осталось только четверо.

Дом опустел, но по меркам советской власти, хотя и был частной собственностью, однако стал для уцелевших хозяев слишком уж большим.

Чтобы не раздражать местечковое начальство, пришлось переделать одну залу под курятник, а вторую – под сарай. Затем дом разделили вдоль длинного КАЛИДОРА, как мы его называли, на две части, мою – с бабушкой Ривой, папой и мамой, и вторую, где жила тётя Роза с Симоном Марамовичем – ее новым спутником жизни.

Был он крепким улыбчивым смугловатым мужчиной, чудом вернувшимся из жестокой Сибирской ссылки. С ним мы устраивали бесконечные доминошные баталии. Жаль, быстро умер. Сердце не выдержало.

Его Саша – сын, которого, за редкое непослушание, Симон порой наказывал привязыванием к письменному столу, жил у нас всего год. Саша на отца совсем не обижался. Только просил меня притаскивать к столу пару гантелей, которыми он увлекался в последнем классе школы.

После окончания десятилетки, Саша уехал в Сибирь, окончил мед и стал знаменитым доктором медицинских наук. Работал в Улан-уде, Иркутске, во Всемирной организации здравоохранения. Во время эпидемии холеры в Одессе, разыгравшейся в начале семидесятых, Саша был одним из ведущих специалистов, присланных в помощь. Он активно помогал в подавлении очага этой опасной инфекции.

Помню, как на пару дней, он заскочил к нам в Тирасполь. Был вооружен тогда солидным бутылком медицинского спирта, подкрашенного красным цветом. Они с папой многократно дезинфицировались и ожесточённо спорили по поводу политики Израиля.

Вера – дочь Симона, после физмата, вышла замуж за ироничного Мишу, преподававшего музыку. А их дочь Розика стала моей доброй подружкой, ещё с раннего детства.

Приехав из Тирасполя проведать дедушку Симона, она, еще тогда, демонстрировала вполне продвинутые способности в игре на стареньком фортепиано, установленном в сокирянском доме культуры. При этом, громко жаловалась на Судьбу, подчеркивая, что к четырём годам, Моцарт уже давно, как придумал свои композиции и выступал с самыми настоящими концертами.

Всех предыдущих укорачиваний нашей жилплощади властям показалось мало. На все лето, в дом стали насильно подселять квартирантов – будущих механизаторов и медсестер. За каждого из полутора десятков молодых людей, спавших на железных кроватях с панцирными сетками, власти выплачивали по рублю в месяц.

После трёх таких летних заездов, все деньги уходили на ремонт дверей и прочих частей дома, пострадавших от бесконечного хлопанья и пьянок, шумевших в доме в честь каждого успешного окончания месячного курса обучения.

В отличие от реакции моих близких, мне эта молодежь очень даже нравилась. Каждый день, все собирались перед домом и играли в волейбол. Мне удавалось не только подавать улетавшие мячи, но иногда участвовать и в самой игре, отбивая мяч какой-нибудь симпатичной белокурой соседке, находившейся в большом кругу начинающих спортсменов.

– Да. Этот летний праздник, с толпой смеявшихся молодых ребят и девчат, шумно и весело носившихся по утрам в очередь к единственному во дворе туалету и паре рукомойников, пришёлся мне по душе

До самой темноты, мы играли в футбол и волейбол, бурно обсуждали крупные сокирянские и мелкие мировые новости, щедро лившиеся из маленькой, но голосистой радиоточки.

Было интересно подсматривать, как ребята ухаживают за веселыми хохотушками, слышать раздающиеся, тут и там, неловкие попытки поцелуев и звонких ответных оплеух.

Иногда, шумной и радостной толпою, мы важно шли по парку и длинным улицам Сокирян, прямо к местному ЗАГСУ. Продвигались мы, вместе со счастливыми женихом и невестой, познакомившихся в нашем доме, с большой гордостью. Будто, именно благодаря нам, они и поженились.

Наконец, местные власти решили вопрос с нашим большим и красивым строением, возвышавшимся с начала двадцатого века «как бельмо на их чиновничьем глазу». Обманув на несколько лет, нам объявили о предстоящем скором сносе и предложили взамен маленькую двухкомнатную квартиру. Получив отказ, тут-же насильно подселили четыре семьи, разделив дом многочисленными уродливыми перегородками.

После этого, родители со мною срочно переехали в Тирасполь. Бабушкам, до пенсии, пришлось ютиться там ещё два года.

Выполняя чьё-то давнее бездарное решение, наш огромный дом с большим огородом, садом и прекрасным палисадником, снесли только через долгих шесть лет, абсолютно бесполезно расширив, и без того, довольно просторную, самую окраину двора соседней украинской школы.

Однако Дом – наш любимый родной Дом, с торжественно поднимавшимся от дороги ступенями и прекрасной террасой, густо увитой диким виноградом, по-прежнему, радостно живет в нашей благодарной памяти.

Он гордо возвышается над дорогой, широко раскинувшись по уже несуществующему адресу, улицы Горького 3, с его бесконечным огородом, чудными плодовыми и ореховыми деревьями, посаженными ещё моими прадедом, дедом и отцом.

Дом наполнен пением прекрасных птиц, звонкими голосами молодых бабушек и родителей. Он, по-царски, украшен удивительным палисадником, щедро насыщенным ароматами буйно цветущей сирени, ирисов, роз и моими детскими голубыми мечтами...

ИМПРИНТИНГ

Бани не любил с детства. Как-то, ещё в Сокирянах, меня повели в центральную. Видимо, с целью образовательной.

Ведь кардинальные купания в жестяной ванночке, где была установлена дровяная водогрейка, осуществлялись на нашей большой кухне еженедельно. Этого было вполне достаточно. Процедура была приятной. Под заботливым руководством бабушки Ривы, я расставлял на водной глади любимые пластиковые кораблики, лодочки, дюжину солдатиков. Морской бой в мыльной воде был ожесточенным.

Правда, приходилось, нехотя, поочередно отдавать на расправу бабушке то руку, то ногу. По ним быстро и с ласковыми уговорами проходилась намыленная мочалка. Потом и она становилась одним из важных кораблей, на котором размешался целый отряд бравых солдафонов.

Меня легко убедили, что, несмотря на то, что все свои тайные прелести я видел в ванночке прекрасно, никому больше наблюдать их было невозможно. Поскольку слой прозрачной колодезной воды для чужого взгляда был, по свидетельству бабушки, преградой неодолимой.

– Клара, обращалась она к моей маме, ты что-то видишь?

– Откуда? Ничего не видно, – Мама была очень убедительна, – Кому нужна твоя пущька?, – смеялась она

– А ты, Роза? – обращалась бабушка к своей сестре, – Зэйст (видишь, идиш)?

– Я, без очков, вообще ничего не вижу. Гурнышт (ничего, идиш), – уверенно заключала Роза

Теперь, я был спокоен

Центральная Сокирянская баня поразила жуткой концентрацией уродства. Толпа голых мужиков, собранных в одном месте, с висящими, торчащими и трепыхавшимися причиндалами, представляла собой жуткое зрелище. Некоторые из них, громко хохотали, другие окатывали друг друга водой из шаек и нещадно хлестали допотопными вениками из дубовых листьев.

А самое неприятное, там было душно. Очень. В клубах пара, тут и там, шныряли человеки с многочисленными татуировками. Поразили мультики на ягодицах. У одного, при ходьбе, мышка даже запрыгивала в самую задницу, а за ней бросалась кошка. У другого, при движении, савковая лопата засыпала туда уголёк. Наверное, для того, чтобы быстрее ходилось.

Симон – второй муж Розы, потащивший меня в баню, положил на плоскую каменную лежанку и стал истоиво мылить, жестко, до боли, протирать грубой мочалкой и обливать из шайки. Затем душ. Горячий и холоднющий.

Никаких игрушек, никаких ласковых воркований. Под конец измывательства, садист завёл меня в парную. Дыхание остановилось. Нестерпимый обжигающий пар окружил со всех

сторон. Смеясь, Симон схватил меня и секунд на пять поставил к себе, прямо на самую жаркую третью полку.

Я закричал. Заорал так, будто меня убивают. Собственно, так мне и казалось. Крик, видимо, перешёл в область ультразвука. По крайней мере, Симон испугался и быстро выставил меня из парной.

Больше, в детстве, я в баню не ходил. Да и сейчас, не люблю.

– Импринтинг (первое впечатление), – грустно заключил Саша Кокурин – старинный приятель, всегда обожавший этот вид релаксации и безуспешно пытавшийся приобщить меня к банному удовольствию...

ЛУЧШИЙ РЕЦЕПТ МОРОЖЕНОГО

Первый раз смотрел "Старика Хоттабыча» в стареньком Сокирянском кинотеатре. До этого момента, настоящего фабричного мороженого не едал ни разу.

Разве что, мама Вовы Ткачука угощала меня мороженым домашнего приготовления. Однако оно больше походило на прохладную молочную массу, размазанную по тарелке. Было очень вкусно, но...

Несмотря на изумительный вкус, это мороженое, конечно, не могло идти ни в какое сравнение с теми симпатичными маленькими шоколадными «Эскимо», которые в фильме поедал старый волшебник. Причём «уничтожал» он его в огромных количествах. Ведь, в чудесном московском цирке, старик Хоттабыч нагло слопал целый поднос с кучей того чудесного холодного лакомства.

Поглощал он его с такой страстью и восхищением, что мы ни капельки не сомневались в полном отсутствии подобной роскоши даже во дворцах самого, называй как хочешь, – Сулеймана ибн Дауда, царя Соломона или Шломо-а-Мелеха.

Ведь кувшин, в котором Хоттабыч томился тысячи лет, был, как помнится, отмечен и заперт именно заветной соломоновой печатью. А старик, что было очевидно по его неистовому аппетиту, никогда не видел и не пробовал подобного чуда.

Мороженое, покрытое шоколадной глазурью, выглядело в кинофильме настолько компактным, малюсеньким и притягательно волнующим, что порция съедалась вдохновленным волшебником буквально на глазах – в один, максимум, два приема.

– Куда же ты спешишь, о прелестная Дева?! С лицом, подобным отрезку Луны, – Приятным комплиментом Старик Хоттабыч легко остановил молоденькую разносчицу мороженого

Распробовав фантастический вкус, невиданный даже в наивкуснейших шербетах, Волшебник выкупил всю партию и решительно кинулся в настоящее сражение с превосходящими силами холодного феерического наслаждения.

Вся ребятня, смотревшая когда-то "Старика Хоттабыча» по многу раз, навсегда запомнила тот сладостный кусочек времени

Кое-что, однако, оказалось выясненным не до конца

Почему, например, в самых разных городах Советского Союза я ни разу не встречал такой «классной» притягательной формы мороженого?

Ведь оно было бы лёгким и удобным в употреблении не только для киношного Хоттабыча, но и для всех людей – от мала до велика. И держать такое мороженое в руках было бы гораздо удобнее, чем, например, громоздкие брикеты, цилиндры и стаканчики. И кусочек откусить легче, и облизать сподручнее.

Надеясь на Чудо, я неоднократно заглядывал в тот знаменитый Цирк на Цветном, где снимался знаменитый Хоттабыч. Мечталось увидеть, наконец, и распробовать то миниатюрное вожденное Эскимо в блестящей серебристой упаковочке.

Напрасно выглядывал я по всем закоулкам цирка и планеты ту заманчивую штуковину. Ее не было нигде. Даже в далёких Америках с Канадами, в Азиях с Европами, – Попросту, нигде.

Недавно, в цирк на Цветном, мы сводили и дорогую внучку, приехавшую в Москву из далеких стран. Равнодушно скользнув взглядом по мороженому обычных конфигураций, я, в тайне надеясь на чудо, продолжал упорно вглядываться в его многочисленные сорта. Того волшебного, к сожалению, так и не встретилось.

– Оказалось, что нас провели! Провели ловко. Ничего не скажешь. Мы же ничего – ничтошеньки не подозревали, – воскликнул я, прочитав статью в Интернете

Там подробно рассказывалось о съемках «Старика Хоттабыча». Оказалось, что для удобства съемочного процесса, вместо Эскимо, которое таяло предательски быстро, для съёмок эпизода, пришлось использовать обыкновенные глазированные сырки, уверенно сохранявшие ту притягательную форму.

Николай Волков, сыгравший роль Хоттабыча, после огромного количества съемочных дублей, не мог больше выносить ни вкуса, ни запаха, ни даже вида, тех сырков.

В теперешней Москве, возможно многое, почти все. Вам легко помогут найти правильные места, где можно вдоволь насладиться настоящим мороженым, – и в Гуме, и в Зоопарке, на Красной Пресне, и в Детском Мире. Но того, того самого, как не было, так и нет.

– Терпение кончилось. Надоело! Пока сам не сделаешь, никому и дела нет! Вот возьму, да скопирую форму прежних глазированных сырков, которые в фильме показывали. Закажу побольше того волшебного эскимо в одной из компаний

Вкус того удивительного мороженого мы же хорошо помним с самого детства. Каждый, конечно, представлял его по-своему. Но было оно, безусловно, самым и самым лучшим.

Рецепт простейший.

Берёшь прелестный вкус, добавляешь бесподобного аромата и бесконечного количества родительской любви. Глядишь... – И, после банального волшебного заклинания, – Абра-Кадабра, – Мороженое от Хоттабыча вполне себе готово.

И с названием все, вроде бы, понятно.

– Покупайте! Покупайте! Покупайте!

Налетайте. Налетайте. Налетайте.

Мороженое «Старик Хоттабыч»!

Вкуснее волшебного щербета во дворцах самого Сулеймана ибн Дауда.

Первым делом, как и волшебник в кино, наемся этим мороженым от пуза. Пусть даже слегка поплохееет, как Хоттабычу в цирке. Зато, наконец, мечта заветная исполнится.

И коммерческий успех гарантирован абсолютно. На все сто процентов. Ведь рекламу будет творить, наколдовывать сам Хоттабыч – Джин, любимый миллионами. Нет. Десятками миллионов верных поклонников той чудесной сказки.

Представьте себе рекламный ролик, где будут показывать эпизод из фильма, когда Хоттабыч, после каждого кусочка, прикрывает глаза от удовольствия...

У него, понятное дело, с бизнесом получится все замечательно.

Он же, Волшебник...

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Сентябрь в Торонто выдался теплым. Несмотря на утреннюю прохладу, днём бывало довольно жарковато.

Квартиру сыну, поступившему в университет Норс Йорка, я снял в солидном здании. Находилось оно на улице Янг – самой длинной в мире и протянувшейся более, чем на тысячу километров. Не теряя последовательность нумерации, Янг раскинулась от Торонто через многие и многие городки Канадской провинции Онтарио.

Квартира была расположена на тридцать третьем этаже, прямо над входом в станцию метро Норс-Йорк Сентер, торговым комплексом с многозальным кинотеатром и многочисленными кафешками.

Зачастую, низкие облака скрывали, и оживленную магистраль с бесконечным потоком разноцветных авто, и высотные билдинги. В Норс Йорке наличествовал собственный муниципалитет, каток и центр с рождественской елкой. Несмотря на административную чехарду, он был, есть и всегда будет восприниматься, как обычный район Торонто, начинающийся к югу от оживленной Шеппард авеню.

В этом месте я почувствовал, что сбылась заветная мечта. С детства, я всегда хотел жить в кинотеатре. В Сокирянах, где бабушка Рива служила билетером, до кино было целых десять минут ходьбы. В распутицу и зимой этот путь растягивался на добрых полчаса. И уходить из кинотеатра домой не хотелось. Никогда.

Переселясь в высотку, сын отвечал на мои звонки в Канаду, зачастую, прямо из кинозала. Из квартиры туда можно было легко и быстро попасть. Доехать, просто, на быстроходном лифте.

Как-то, после очередного трансатлантического перелёта, мне не спалось. Ведь в Москве, откуда мы прилетели, был ещё вечер. А здесь, здесь уже рассвело. Наступило раннее утро.

Пока все спали, от нечего делать, я наведаясь в аккуратненький Лаблаус – супермаркет, что раскинулся на первом этаже. У них мне всегда нравилась выкладка товара. Особенно свежих фруктов и ягод.

Вернувшись в квартиру с покупками и набросав на раскалённую сковородку свеженького укропа, я залил зелень небольшой порцией из смеси пяти яичных белков и одного желтка. Она продавалась в картонных коробках, немного похожих на кефирные. Таким образом, количество холестерина, потребляемого за завтрак, уменьшалось многократно – в данном случае, пятикратно.

По желанию, можно было купить смесь одного желтка и десяти белков. И даже яичные белки совершенно без желтков. Выбирай на вкус. Да, конечно. Цена была несколько выше обычной. Но удобство какое. Вскрыл себе коробку, налил порцию, которая по душе, и поджаривай себе на здоровье. В самом деле, на здоровье. Никакой тебе скорлупы. Никакой пачкотни. Никакого холестерина.

Не понимаю, почему в России или Израиле этот вид готового полуфабриката ещё не получил должного распространения. В любом канадском магазине такой продукт можно было приобрести многие десятилетия.

Помню, как в детском садике мы все очень не любили есть желтки, оставляя их на тарелках и вызывая строгие замечания воспитательниц. Особенно не нравилась их суховатая внутренность в вареных яйцах.

Думаю, реакция отторжения желтков многими детьми была интуитивной попыткой защититься от гигантских количеств холестерина, которое мы поглощали ежедневно. Не говоря уже о пасхальных перееданиях красных, зелёных, желтых и других разноцветно-красивых произведений искусства.

В Сокирянах мы жили недалёко от церкви. И каждая женщина, освятив пасхальные яйца, старалась угостить ребёнка. Мама, заметившая у меня небольшой диатез после таких угощений, строго-настрого приказала сделать перерыв в потреблении.

– Ладно, – увидев, что я расстроился не на шутку, мама сказала, – считать ты ещё не умеешь. Но после того как съешь яичко, нарисуй на земле черточку. Как приду с работы, сразу подсчитаю. Постарайся много не съесть

– Мама хорошо знала, что каждое утро я бегаю в курятник и приношу еще теплые яички для поджарки и для варки с последующим перемешиванием с лучком и картошкой. Она и не подозревала того, что могло произойти.

– ОбГосподи! Скажи, что ты нарисовал эти палочки просто так! Если правда, что ты за день съел тридцать шесть яиц, тебе надо немедленно в больницу. Как ты мог столько съесть?, – причитая, мама подсчитала палочки, отмеченные мною на небольшом откосе от нашего крыльца

– Я хотел отнести красивые яички домой, но тети так упрашивали, чтобы я съедал при них. Давали мне выбирать яйца любого цвета

Можно, конечно, кивать на доступность и дешевизну этого расхожего блюда. А также на относительно ограниченное меню, особенно в сельской местности, где я провёл своё детство. На то, что в институте, аспирантуре и дальнейшей жизни, проще и быстрее яичницы ничего не было.

– Придётся оперировать, – констатировал канадский профессор, – все Ваши артерии забиты холестерином полностью. Как Вы умудрились так засорить сосуды? Операция по шунтированию, безусловно, улучшила ситуацию. Но отказаться от яичницы не получается. Слишком уж удобно и быстро.

– Ну..., – советовали некоторые знакомые, – мог бы желтки просто выбрасывать, а есть только белки.

Пробовал. Выбрасывать не получалось. Рука не поднималась. Пытался пару раз использовать их для мытья волос. Не прижилось.

– Да запускал я этот продукт в торговлю, – отвечал на мой вопрос владелец крупного российского предприятия по выпуску яиц, – не идет! Надо ещё кучу денег на рекламу угробить, чтобы люди осознали и поняли, что надо искать. У нас продукта не знает никто

Короче. Позавтракал я в Торонто полезной яичницей почти без холестерина. Посмотрел из окна на вид просыпавшегося города и зевнул. Близкие спали по-прежнему.

Делать было нечего. Я снова вернулся в торговый центр, спустившись уже в Старбакс. Там медленно смаковал кофе, сидя рядом со стайкой симпатичных японских девчушек. Не разберешь, кто они. То ли школьницы, то ли студентки.

В забавных супер-коротких платьицах, со светлой, казалось, мраморной кожей, задорными хвостиками волос и блестящими глазами. Словно куклы. Смеющиеся куклы со счастливым выражением лица.

Заметив, что я заинтересованно и несколько бесцеремонно разглядываю, одна из девушек, – О ужас!, – немного раздвинула ноги, слегка обнажив то место, где, по идее, должны были находиться трусики. Затем шепнула своим подругам что-то очень и очень смешное.

Когда, поглядев на меня, они прыснули уже втроем, я смешался окончательно и, немного отвернувшись, стал усиленно рассматривать облака и небо, раскинувшиеся за стеклом огромного окна

– Что-что? Извините.? Я не совсем понял, – от неожиданного обращения, я вздрогнул

– Не хотите ли развлечься?, – нежно проворковала одна из девушек, подойдя вплотную и зависнув надо мной на предельно близком расстоянии

Запах волос, грудь, подрагивавшая в проеме расстёгнутой рубашки и тонкий завораживающий аромат цветочных духов, непроизвольно вызвали легкое волнение и сильную растерянность.

– Нет! Что Вы! Я здесь с женой, – ответил я на их прямой вопрос первой же глупостью, попавшей в оторопевшие мозги

– Можно и с женой, – задорно улыбнулась жрица любви, – так даже интереснее, – Она ласково потрепала меня по щеке и, порывисто схватив руку, неожиданно прижала с своей маленькой упругой груди

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.